

Шперли и Бах

На сцене Большого театра выступил «Цюрих-балет»

**Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»**

62-летний Ханс Шперли, хотя и не имеет громкой славы Килиана, Форсайта или Ноймайера, занимает в европейской хореографии почетную нишу ревнителя высоких традиций. Поклонник неоклассического танца и классической музыки привез в Москву «Гольдберг-вариации», самое известное свое сочинение. Поставленный в 1993 году полуторачасовой спектакль стал визитной карточкой «Цюрих-балета», швейцарской танцевальной компании, которой хореограф руководит последние шесть лет.

Профессионал и педант, Шперли решился воспроизвести полифонические изыски Иоганна Себастьяна Баха и преуспел в этом. Его точный расчет и склонность к рациональной организации движения оказались под стать музыкальной форме, выписанной с математической точностью и артистическим изяществом. Каждая третья из 30 вариаций представляет канон, причем интервал вступления голосов по мере продвижения к финалу постепенно увеличивается. Завершает грандиозное построение виртуозный кунштштюк, где все темы ведут изощренную звуковую игру.

На эту музыку хореограф поставил балет, который открыл и завершил появлением всей труппы, а в середине поместил тридцать выходов солистов, дуэтов, трио и ансамблей. Фотографически отображать музыкальную ткань Шперли не стал, но многое из по-

лифонических упражнений Баха опредметил с детальным знанием полифонической науки. На примере «Гольдберг-вариаций» студентов-хореографов можно обучать искусству пластического контрапункта. Есть здесь образцы контрапункта имитационного (танцовщики ведут одну пластическую тему через определенный интервал), контрастного (каждый участник или группа имеют собственную тему), стреттного (все пластические темы «звучат» одновременно) и так до бесконечности. Чтобы зритель окончательно не потерялся в дебрях хореографической алгебры, балетмейстер время от времени переодевает танцовщиков в костюмы цвета радуги и меняет задники. На одном из них (художник Кезо Деккер) изображена серо-пепельная гряда облаков, и это единственный намек на реальность, позволенный себе абстрактным мыслителем Шперли.

Свою труппу он держит в строгости и беспрекословном повиновении. 38 танцовщиков работают как хорошо отлаженный механизм. Ни малейшего проявления личной воли и неконтролируемой эмоции, все, вплоть до амплитуды прыжков и высоты арабесков, выверено и маркировано одним стандартом.

В той же манере, без малейшей аффектации и позы, исполнил своего любимого Баха Алексей Ботвинов, бывший одессит, а ныне солист-пианист «Цюрих-балета».

Публика Большого, не избалованная интеллектуальными зрелищами, воспринимала показ с вежливой скукой.

